

И.Э. Ульянов

ГУСАРСКИЕ «ШАЛОСТИ». ФАРС И ТРАГЕДИЯ ГРАФА ПОДГОРИЧАНИ

В 1808–1809 гг. офицеров одного из славных полков русской кавалерии – Сумского гусарского – охватила волна антидисциплинарного безумия.

Полк этот вел свою историю от Сумского слободского черкасского казачьего полка, и позднее ему было присвоено старшинство с 1651 г. Название Сумского гусарского он получил в 1765 г., с 1784 по 1796 г. назывался Сумским легкоконным, затем вновь стал гусарским. С 20 марта 1801 г. шефом полка числился генерал-майор граф фон дер Пален З-й Петр Петрович. Командиром полка с 17 февраля 1808 г. был полковник барон Крейц Киприан Антонович.

Полк принял участие практически во всех боевых действиях, которые вели государство, начиная с Азовского похода, отличился в русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., в подавлении польского восстания 1794 г., в войнах с Францией в 1805 и 1806–1807 гг.

Сумцы в известной степени были квинтэссенцией русского гусарства в том понимании, которое надолго закрепилось в нашем сознании, – удалой армейской вольницы. В «Русской старине» указывалось: «Говорили, что беспорядочный образ жизни среди гусар был введен Сумским гусарским полком, который за кутежи еще в начале царствования Александра I был лишен синих мундиров и получил серые». Пришедший в полк корнетом в 1806 г. Иван Иванович (Иван-Эдуард Германович) Левенштерн с печалью вспоминал «старого сумца, у которого длинные усы сурово закрывали щеку и который, не имея еще времени проспаться от вчерашнего хмеля, на плаце напивался вновь... Дикие сумцы безшибочно карьером исполняли деплайду... Вы, старые пьяные сумцы,

хотя вы и дики и грубы были, но вы были все-таки самые великолепные гусары и на войне, и во времена мира»¹.

Вот как описывал гусарский досуг Я.П. Кульnev, также служивший в полку: «В те времена, решив устроить кутеж, офицеры Сумского полка обыкновенно выбирали просторное помещение, из которого выносили всю мебель и наполняли его до самых окон сеном. Это делалось для того, чтобы подкутившему гусару можно было отдохнуть, а потом снова продолжить кутеж. Затем приносилось деревянное ведро, в него вливалось шампанское, бургундское и портер, потом приводили боевого коня, которого с особой торжественностью расковывали, подковы добела накаливали в огне и с церемонией бросали в ведро. По мнению старых гусар, это предотвращало дурноту у слабых. После этого компания садилась и предавалась кутежу»².

Какой-то моральный надлом среди командного состава полка произошел после похода 1806–1807 гг. Во всяком случае, об этом говорят выявленные военно-судные дела. Целая серия скандалов между военными и притеснений гражданских лиц оказалась связана с сумскими офицерами. Наибольшую известность приобрела история конфликта между полковником Деляновым и эскадронным командиром ротмистром Хвостовым. В мае 1809 г. неприязненные отношения двух офицеров привели к печальным последствиям. За опоздание на построение Делянов приказал арестовать Хвостова; тот не подчинился и, явившись на квартиру полковника, в присутствии двух офицеров спровоцировал поединок на холодном оружии. Делянов, к своим почти 50 годам заслуживший три ордена и золотую саблю с надписью «За храбрость», разрубил ротмистру левую руку, потом повредил правую; офицеры насили растащили бойцов. По решению императора Хвостов был разжалован в рядовые, а полковник «в уважение прежней его службы» оставлен при полку, но без права самостоятельного командования.

В октябре того же года замешанным в неприглядной истории оказался и полковник Сумского полка граф Федор Иванович Подгоричани.

Отец полковника Иван Михайлович происходил из старинного сербского рода Далмацкой провинции Центы. Перейдя на службу России в 1759 г. полковником, он участвовал в Семилетней войне, а в 1768 г. – в борьбе с польскими конфедератами. В 1769 г. Подгоричани представил патент от Венецианской республики, доказывающий, что его предки были графы, а потому высочайшим указом Правительствующему Сенату он был признан в графском достоинстве. В апреле того же года граф подал императрице проект военных действий; он сам желал ехать

в Черногорию, чтобы «быть инструментом свержения тиранского ига с одноземцев своих». В развернувшейся в 1770 г. войне с Турцией Подгоричани отличился в боях у р. Рымник, под Браиловым, Ларгой и Кагулом, но уже 30 ноября подал прошение на высочайшее имя об увольнении его от службы «за наступающей старостью и дряхлостью, за имеющимися от долговременной конной службы во всем корпусе разными болезнями, а особенно в глазе, и за переморозением в прошлую зиму ног». 29 декабря 1770 г. он был уволен в отставку, с производством в генерал-поручики. Старший Подгоричани умер в 1779 г. Он был женат на дворянке Варваре Шидловской и имел двух сыновей – героя нашего рассказа Федора и Михаила, умершего в 1810 г.

Военная карьера Федора Подгоричани прослеживается фрагментарно. 1 мая 1796 г. конной гвардии унтер-офицер граф «Подгоричанье» был произведен в корнеты в Лейб-гусарский полк³. Очевидно, в 1797 г. он получил чин поручика, 8 апреля 1799 г. – штабс-ротмистра, а 20 сентября того же года – ротмистра⁴. В высочайших приказах за 1800, 1801, 1802, 1804, 1805, 1806 гг. его фамилия не встречается, в списке офицеров полка, участвовавших в сражении при Аустерлице, его также нет. Это позволяет предположить, что в 1803 г. он был переведен в армию с чином подполковника. По некоторым косвенным данным, Федор некоторое время служил в Гродненском гусарском полку, с которым и проделал поход 1807 г. В том же году по-прежнему подполковником он был переведен в Сумской гусарский полк. В списке штаб-офицерам по старшинству от марта 1809 г. граф «Подгоричанин» был упомянут в числе полковников Сумского полка со старшинством от 12 декабря 1808 г.⁵

Информации о боевых заслугах Подгоричани нам выявить не удалось, но с походом 1807 г. связан анекдот, записанный Фаддеем Булгариным.

«Русский гусарский офицер поссорился с прусским, за картами. Дошло до вызова. Прусский офицер был отличный стрелок, бил ласточек на лету, и не хотел иначе драться, как на пистолетах. – „Итак, ты непременно хочешь убить меня!“ – сказал русский офицер. – „Одним дерзким будет меньше на свете“, – хладнокровно отвечал пруссак. – „Быть так“, – возразил русский офицер. „Я плохой стрелок – но мечи банк, а я поставлю жизнь на карту... Если ты убьешь карту – можешь убить меня, как медведя, а если карта выиграет, я убью тебя“. – Прусский офицер сперва не соглашался, но товарищи его, думая, что это шутка, уговарили его принять предложение русского. Прусский офицер начал метать и – дал карту. Все думали, что тем дело и кончится, но русский сказал хладнокровно: „Пойдем же в сад – и разделемся!“ Множество

офицеров обеих армий следовали толпой за прусским офицером, который шел, улыбаясь, и остановился в большой аллее. Явился русский офицер с охотничьим ружьем, взятым у хозяина.

„У меня нет с собою пистолетов, но убить можно и этим“, – примолвил он. – „Становись, в тридцати шагах!“ – Пруссак и все окружающие его все еще думали, что это только шутка, и прусский офицер, проигравший жизнь, стал на позицию. Русский прицелился, спустил курок, и пруссак упал мертвый. Пуля попала в самое сердце. Присутствующие невольно вздрогнули от ужаса, и не знали, что делать... – „Я не шучу жизнью“ – сказал русский офицер: – „Если б я проиграл жизнь, то не принял бы ее в подаяние, и заставил бы его убить меня“... Дело кажется невероятное, но кто знал графа Подгоричанина, тот поверит этому. Впоследствии спрашивал я его, правда ли это? – „Не помню, братец“, – отвечал он: „Мало ли что случается в жизни!“. Сказав это, он покрутил усы, отвернулся и запел, любимую свою песню: „Ах, скучно мне, на чужой стороне!“⁶.

В 1809 г. в непосредственном подчинении у полковника не было нижних чинов... Уже после описываемых нами событий шеф полка генерал-майор граф фон дер Пален 3-й рапортовал цесаревичу, что «вверенного ему Сумского гусарского полка полковник граф Подгоричани в продолжение более полугода времяни вел жизнь спокойную и пристойную штаб-офицеру, почему был представлен к утверждению эскадронным командиром»⁷. По всей видимости, полковник перед этим уже был наказан за какой-то дисциплинарный проступок и своим поведением дал повод для снятия наказания.

Но планам этим не суждено было сбыться.

В октябре полковник с запасным эскадроном квартировал в местечке Креславль, что не мешало ему наведываться в ближайший крупный торговый город Ригу. В то время в Петербургском форштадте Риги размещался довольно крупный трактир, принадлежащий некоему Мельзе. Трактир служил местом проведения досуга сразу нескольким городским сообществам – тут собирались торговцы, немцы-обыватели, офицеры гарнизона. Нравы в заведении царили достаточно вольные. В ночь с 9 на 10 октября отставной поручик Поприц был избит и ограблен в трактире немцами. Он обратился за помощью к караулу Копорского мушкетерского полка у Петербургских ворот, откуда и был выслан конвой. Бунтовщики затеяли потасовку с караульными, после чего на шум из другого помещения ворвался Подгоричани, начал бить по щекам Поприца, не дал взять под караул бунтовщиков и выгнал

конвойных вон «бесчестным образом». По свидетельству офицеров, полковник «взял унтер-офицера за груди, спрашивал, что я есть за человек? На что отвечал унтер-офицер, я вижу, что вы офицер, но Гн Подгоричани сказал, что я ни офицер, а полковник, и зачал его бить по щекам, избил оного и пинками бил». Граф затем накинулся на рядового, стоявшего у двери, и также стал бить по щекам его. Некие «люди в сертуках» оттащили солдат, но полковник кричал: «Где моя сабля, я их изрублю!», ругал всех «вышних начальников» и полковых командиров непристойными словами, оскорбляя словами и поступками присутствующих в трактире офицеров Таврического гренадерского полка, а потом приказал играть музыкантам и начал танцевать. Сразу несколько офицеров, по их словам, хотели требовать сатисфакцию на следующее утро, так как полковник в момент драки был невменяем. В заведенном по факту преступления деле фигурировали также спутники полковника – поручик Сумского полка Гине и поручик 3-й артиллерийской бригады Гербель 3-й⁸.

Но на этом приключения Подгоричани только начались. Приехав в Креславль, он схватил за отказ дать лошадей местного помещика графа Вацлава Платера, отвел его на гауптвахту, где удерживал и бил нескольких дворян и угрожал бить палками самого Платера. Жители собирались освободить помещика с гауптвахты, но Платер отговорил их от этого⁹.

История получила огласку. 24 октября в mestечко был прислан дивизионный адъютант от командующего 3-й дивизией генерал-лейтенанта П.П. Коновницына для ареста Подгоричани. Тот показал сопротивление, ранил ножом своего человека и унтер-офицера Муромского мушкетерского полка, и на следующий день его отправили в Либаву под арест. Как ни странно, по пути он сумел «отличиться» в Митаве, а уже 27-го его видели на улицах Либавы с офицерами Сумского полка (поручиками Дзичканецем, Кнорингом и полковым адъютантом корнетом Дорошенко): он ходил с музыкой, в 12 пополудни устроил разгром в доме трактирища Транца, покушался на дочерей 15, 14 и 12 лет, но тем удалось убежать. 28 октября компания опять пришла к Транцу, били хозяйку подносом и били квартирующего отставного поручика. 29-го у трактирища Неймана Подгоричани попытался изнасиловать воспитанницу 13 лет, но та была освобождена поручиком Ращевским. Разбойная команда избила двух корабельщиков и квартального надзирателя, учинила разгром в доме стекольщика Альбрехта. Другой квартальный надзиратель, который делал досмотр в одном вольном доме, был избит Подгоричани с офицерами, которые были в доме, раздет донага и в таком

виде принужден был 2 часа перед ними стоять. «С находившимися в оном доме женщинами поступали весьма низким образом, а хозяйку угрожали отдать находившимся с ними музыкантам, если не представит она требуемого»¹⁰.

Стоит отметить, что в рапорте цесаревича императору вина за все эти «шалости» была возложена на одного лишь полковника, другие офицеры не упоминались.

Наконец, вечером 29-го числа «его схватили на улице, и как полковник барон Крейц заметил в нем признаки сумашествия, то и посадил его на гоубтвахте, где под строгим караулом будучи содержан, бьет и кусает все, что только видит». По мнению командования, «все содеянное им не иначе могло быть произведено, как от помешательства ума».

В расследовании этого громкого дела участвовала целая плеяда военных и гражданских чиновников, начиная от Курляндского гражданского губернатора и командующего 3-й дивизией генерал-лейтенанта П.П. Коновницына и заканчивая министром внутренних дел, цесаревичем и самим императором. Подгоричани подвергся заточению в Динабургскую крепость, где и провел более двух лет. Дело было отложено в долгий ящик, окончательного приговора так и не последовало.

Последний акт этой трагедии был сыгран во время Отечественной войны 1812 года. Графиня Варвара Подгоричани, потерявшая в 1810 г. младшего сына, в сентябре и октябре 1812 г. прислала генерал-лейтенанту И.Н. Эссену 1-му всеподданнейшую просьбу о монаршем помиловании Федора Ивановича – последнего из рода Подгоричани. Слова вдовы не могут оставить безучастным ни одно человеческое сердце: «...со всепокорнейшей просьбой у ног ваших рыдает мать единственного сына, беспомощная вдова служившего также в поле не щадя жизни своей до старости... Сын мой три года живой во гробе, лишен всего, даже и надежды на милосердие...»¹¹. Эссен просил Александра I обратить внимание «на просьбу сей нещастной матери, коия виновный сын впал в проступки не по наклонности к злу, а единственно по молодым своим летам, и которая проливая три уже года слезы горести, с воплем ныне просит не лишить его щастия заслужить проступки свои на поле браны; где хотя бы и лишилась его, но потеря сия будет для нее не столь тяжелой, сколько прискорбно нынешнее его положение»¹².

Император рескриптом от 31 октября разрешил полковнику, переведенному уже в Динаминскую крепость в Риге, искупить вину. Согласно рапорту генерал-лейтенанта маркиза Ф.О. Паулуччи, Подгоричани был назначен «за рядового» в отряд под командой 23-го егерского полка

майора Гласкова. «В преследовании неприятеля в корчму Райбу послан был с казаками, и стараясь заслужить свои проступки, находясь впереди оных, был защищающимся неприятелем как сам, так и лошадь его ранены, от чего вскорости он и умер». Паулуччи особо испрашивал разрешения, «дабы он наравне с прочими в уважение почтенной его матери Генерал-лейтенанти Графини Подгоричаниновой, был Высочайшим Вашего ИВ приказом выключен из списков убитым в сражении», на что 16 ноября 1812 г. последовала резолюция: «Высочайше повелено объявить в приказе, сказав, что он по нахождению под судом был послан заслужить свое преступление»¹³.

И действительно, в высочайшем приказе от 28 ноября в числе умерших от полученных в сражении ран был упомянут «Сумского Гусарского полка, находившийся под судом и посланный заслужить свое преступление, Полковник Граф Подгоричанин»¹⁴.

Нужно отметить, что до сих пор в истории Сумского полка считалось, что Подгоричани погиб 17 ноября. Датировка резолюции императора заставляет нас отнести это событие к более раннему времени, а именно к 10 ноября, когда Паулуччи рапортовал о поиске отряда Гласкова: «23 Егерского полка Майор Гласков, посланный 10 числа ноября с отрядом из 70 человек кавалерии и 180 егерями для рекогносцирования по дороге Екаусской, атаковал с конницею неприятельские пикеты и заставил их бежать в беспорядке, оставя на месте много убитыми»¹⁵.

Так прервалась династия графов Подгоричани.

В настоящее время единственной материальной памятью о семье остается дворец, выстроенный генерал-поручиком графом Иваном Михайловичем Подгоричани в своем имении в с. Пархомовка (ныне Краснокутского района Харьковской области). Небольшое изящное здание в итальянском стиле достраивалось уже после смерти генерала его вдовой. По распространенной местной версии, Варвара Романовна скончалась в 1785 г., но выявленные нами документы позволяют отнести дату ее смерти не ранее чем на 1812 г. Сейчас в хорошо сохранившемся дворце работает Пархомовский историко-художественный музей, в коллекции которого числится произведения Репина, Левитана, Брубеля, Брюллова, Малевича, Шишкина, Бенуа…

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голодолинский П. История 3-го драгунского Сумского его королевского высочества наследного принца Датского полка. М., 1902. Ч. 2.

² Там же.

³ Высочайшие приказы о чинах военных. СПб., 1796. С. 95.

⁴ Там же. СПб., 1799. С. 99, 211.

⁵ Список штаб-офицерам по старшинству. [По 6 марта 1809 года]. Б. м., б. г.

С. 26.

⁶ Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 301.

⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 22. Д. 3610. Л. 81.

⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2890. б/л.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 22. Д. 3610. Л. 63–64.

¹² Там же. Л. 61.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ Высочайшие приказы о чинах военных. СПб., 1812. С. 197.

¹⁵ Северная почта. СПб., 1812. 20 нояб. № 93. Прибавление.